

20 ФЕВ. 1977

г. Москва

Газета №

УЛИДИИ Сухаревской нет незначительных, проходных ролей. Каждая ее новая работа — свершение. Каждая — событие.

Неожиданность, сложность, масштабность задачи увлекают актрису. Она не ищет легких лавров. Игра должна стоить свеч. Вспомним «Мать» Чапека или «Визит дамы»...

Сухаревская сыграла Эдит Пиаф, французскую певицу, которая принесла на эстраду мир больших чувств, дерзнула, став звездой, остаться самой собой.

После спектакля в театре на Малой Бронной думаешь о том, как горек хлеб артистки в мире, где все покупается и продается. Где слава — не символ уважения и почета, а приманка для репортеров скандальной хроники. Где «звезда» живет словно в аквариуме и каждый прохожий может взглянуть сквозь прозрачное стекло...

И думаешь о советской актрисе Лидии Павловне Сухаревской, которая пережила все это, пропустила через себя. И не один раз, а столько, сколько было репетиций, «прогнозов», «генеральных» — иначе нельзя. То, что делает Сухаревская, — не представление и не наигрыш. Это воссоздание на сцене чужой жизни, чужой радости, боли, страдания с такой степенью достоверности, когда это уже не чужое, а свое.

Оговоримся: не всей жизни, а только ее последних страниц, эпилога.

Сухаревская в пьесе

ТРАГИЧЕСКАЯ РОЛЬ Лидии СУХАРЕВСКОЙ

(она написала ее вместе с Е. Якушкиной) и в спектакле не показывает всю жизнь Эдит Пиаф. Она, к примеру, и не пытается перевоплотиться в нищую девочку, что бродит вместе с отцом по парижским задворкам и собирает медяки за немудрящие фокусы и песенки. Нет, эта девочка живет в ее воспоминаниях, она мысленно представляет ее себе так ясно, что и мы, зрители, видим эту малышку — голодную, дерзкую и независимую...

Но вот погасли воспоминания, и снова перед нами печальная действительность. Свежилась в комок смертельно усталая и бесконечно одинокая женщина.

В роли Эдит Пиаф раскрываются преимущественно трагические стороны дарования Сухаревской. Есть здесь мгновения, которые принято называть «мочаловскими». Такова сцена, когда Эдит узнает о гибели единственного человека, которого она любила. Отчаянный взмах рук, немое и иступленное страдание...

Не хочется сейчас говорить об отдельных недостатках пьесы и просчетах спектакля. Недостатки забудутся. Останутся в памяти глаза Сухаревской — Пиаф — горькие, усталые и несмирившиеся.

Б. ЕВСЕЕВ.

Фото Т. БАЖЕНОВА.

